

Объявления: За строку петица или латв. сво место — въ Латви
 въ текстъ Ls 1.40 (70 р. латв.) } +5 %
 предл. труда —.14 (7 . . .) } гор.
 новаци текста —.34 (17 . . .) } налога
 Для заграницы — .10 амер. цент. за строку петица

Подписочная плата въ мѣсяцъ и 7 коп. въ недѣлю
 въ Латви Ls 3.50 (175 руб.)
 Заграницей 5.20 (260 .)
 1 амер. дол.

ЦѢНА Отдѣльнаго номера:
 въ Латви по воскрес. и праздни.
16 сент. (8 латв. руб).

въ Литвѣ: за оба издан. 60 пен.
 „ Польшѣ за оба издан. 50 грш.
 „ „ за утрен. . . 30 „
 „ „ „ „ воскр. 35 „

СЕГГОДНЯ

Редакция, главная контора и экспедиция
РИГА, Елизаветинская ул. (Elizabetes iela) № 83/85.
 Телефонъ редакци 9-2-9-5-9 и 7700, гл. конторы 59-90. Почтовый ящикъ № 85.
 Отдѣленія конторы въ Ригѣ: ул. Свободы № 27, ул. Полк. Брѣдиса № 2, Московская ул. № 106.
 Текущие очета: въ банкѣ Латви № 534, въ коммерческомъ банкѣ, Ковно № 638, на главной почтѣ № 115.

8-й ГОДЪ ИЗД.

Воскресенье, 12 сентября 1926 года.

№ 204

„Ревизоръ“.

(Антракты.)

Первая премьера нового сезона. Налицо «вся Рига». Депутаты Сейма. Представители высших ступеней иерархических лестниц — общественной и служебной. Иностранцы дипломаты. Характерные лица литераторов и артистов — своих и «чужих».

В антрактах русская речь сливается с латышской. Слышен разговор по-немецки. Говорят громко. Спорят и критикуют. Одни восторгаются. Другие вопросительно недоумываются...

Сезон в «Русской Драмѣ» открылся «Ревизоромъ». Театр как бы воскресил традиции петербургской «Александринки». Но постановку «Ревизора» далъ в тонахъ, далекихъ отъ «традиционныхъ» постановокъ русскихъ сценъ.

Двое режиссеровъ потрудились надъ постановкой «Ревизора»: К. Н. Незлобинъ и И. Ф. Шмидтъ. И дали новое, непривычное глазу, издавшему «Ревизора» на сценахъ, называвшихся образцовыми. Отсюда — критика и споры.

Переполненный до крайнихъ предѣловъ залъ оказался въ значительной своей части занятымъ экспансивными поклонницами нашихъ талантовъ. Сдержанъ эту «эспансивность» оказалось невозможно. Сигналъ къ «атакѣ чувствъ» былъ данъ появленіемъ на сценѣ Юровскаго. Вѣроятно, первый въ исторіи постановокъ «Ревизора» случай, когда появленіе на сценѣ почтмейстера Шпекина прѣвѣтствуется цвѣточнымъ залпомъ...

Запасы цвѣтовъ на балконѣ оказались очень богатыми. И вслѣдъ за Шпекинымъ, цвѣточные грапаты полетѣли къ ногамъ другихъ героев «Ревизора».

Выходить Осипъ — Юр. Яковлевъ — летать цвѣты. Появляются Анна Андреева (Мельникова) и Марья Антоновна (Ведринская) — новый обстрѣлъ. О Хлестаковѣ-Тереховѣ говорить, конечно, не приходится: онъ буквально падаетъ, сраженный этой цвѣточной калонадой.

И даетъ еще одинъ штрихъ, едва ли предусмотрѣнный ремаркой автора или режиссеровъ: Хлестаковъ начинаетъ съ того, что... подбираетъ въ своемъ номерѣ съ полу цвѣты и тщательно укладываетъ ихъ на кровать.

А Ведринская... Марья Антоновна долго не можетъ начать говорить: дождь цвѣтовъ задерживаетъ дѣйствіе на нѣсколько минутъ.

Спектакль вообще изобилуетъ «новшествами». Кто, напримѣръ, до сихъ поръ могъ познакомиться съ «дессу» Анны Андреевны?

Публика Русской Драмѣ знаетъ теперь не только, какое платье на супругѣ Городничаго, но и что именно она носить подъ нимъ...

Естественная тема для разговоровъ въ «антрактахъ»...

* * *

И восторгавшіеся и недоумѣвавшіе принимали «Ревизора» одинаково тепло.

Безчисленные вызовы послѣ каждого дѣйствія. Въ антрактахъ не только воздушная бомбардировка цвѣтами, но и атаки цвѣточными «танками». Послѣ второго, напримѣръ, дѣйствія — на сценѣ сплошная стѣна цвѣточныхъ корзинокъ: каждый изъ исполнителей центральныхъ ролей получилъ по такой корзинѣ.

Но даже самая широкая изъ этихъ корзинокъ не смогла объять необъятнаго Городничаго де Буря.

* * *

«Ревизоръ», дѣйствительно, безсмертенъ. Безсмертно и непобѣдимо его главное «дѣйствующее лицо» — Смѣхъ.

Смѣялись во время дѣйствія, хохотали въ антрактахъ.

Исполнители получили директиву — дать шаржъ. И этотъ шаржъ — объ умѣстности его въ антрактахъ спорили не меньше, чѣмъ о всей постановкѣ вообще, конечно, лишь «подливалъ масло въ огонь».

Бурные взрывы смѣха и рукоплесканій вызвала сцена съ слесаршей (Кристи) и унтеръ-офицершей (Астарова).

* * *

Тереховъ-Хлестаковъ казался немного болѣе «навеселѣ», чѣмъ Хлестаковы, бываютъ обычно. — Это только на премьерѣ «утѣшаетъ» кто-то въ публикѣ. Онъ, повидимому, не совсѣмъ еще оправился отъ утренняго завтрака.

Намекъ на состоявшейся днемъ «пріемъ» приглашенныхъ...

* * *

По окончаніи спектакля — снова шумныя овации. И снова цвѣты.

И новые споры и разногласія. БОР. ОР.